

Служебникъ — книга таинственная.

(По поводу суждений о ней въ новѣйшей художественной литературѣ)

(Рѣчь, произнесенная 20 апрѣля въ засѣданіи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества въ залѣ Кіевскаго Реального училища).

Не въ первый уже разъ выпадаетъ на нашу долю высокая честь и особенное удовольствіе выступать съ своимъ посильнымъ словомъ предъ столь избранною аудиторіею, какова наша настоящая, по вопросамъ своей спеціальности, которая, къ глубокому сожалѣнію, не пользуется должными симпатіями и популярностію среди широкаго круга нашей интеллигенціи. И, признаемся откровенно, никогда не овладѣвали нами смущеніе и опасеніе въ такой степени, какъ въ настоящій разъ. Причина нашего душевнаго волненія кроется не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ строеніи нашей высокопочтенной аудиторіи, которая, къ великому нашему удовольствію, была къ намъ всегда благосклонно-снисходительна (о чемъ особенно усердно мы просимъ и въ настоящій разъ), но въ предметъ—высокой важности и таинственнаго характера,—который мы избрали для настоящей нашей бесѣды, будучи побуждаемы къ тому однимъ крупнымъ, хорошо извѣстнымъ всѣмъ и, по нашему глубокому убѣжденію, печальнымъ явленіемъ въ нашей отечественной литературѣ, затронувшимъ хотя и не по существу, какъ увидимъ въ свое время, но съ различныхъ сторонъ и нашъ настоящій предметъ.

Книга *Служебникъ* въ кругъ богослужебныхъ книгъ православной церкви, по своему назначенію и глубоко-таинственному содержанію, занимаетъ особое и, можно сказать, исключительное положеніе. Всѣ другія церковно-богослужебныя книги, содержащія въ себѣ молитвословія и пѣснопѣнія, составленныя отцами и учителями церкви православной, предназначаются нашею матерью—церковью къ наученію, нравственному назиданію и низведенію въ души вѣрующихъ божественной благодати, а поэтому читаются священно-церковно-служителями при богослуженіяхъ вслухъ всего народа и охотно и даже настойчиво рекомендуются ими къ употребленію внѣ храма на дому, какъ книги полезныя въ ихъ повседневной жизни, или для руководства въ праведной и богоугодной жизни (напр., Типиконъ, Слѣдованная Псалтирь Часословъ, Канонникъ и др.), или для христіанскаго богословскаго образованія (напр., Октоихъ, Тріоди постная и цвѣтная), или же для выработки правильнаго религіознаго міросозерцанія (напр., Требникъ, Минеи мѣсячныя). Книга *Служебникъ* къ разряду указанныхъ книгъ не относится ¹⁾.

---

¹⁾ Въ древности книга *Служебникъ* была болѣе извѣстна подъ названіями *Εὐχολόγιον*, *Κοντάκιον*, *Εὐλητάριον*, *Τάχτικον* и *ἡ λειτουργία*. Къ этимъ наименованіямъ въ позднѣйшее время стали присоединяться мало-по-малу и другія: *αἱ θείαις λειτουργίαις*, *Λειτουργικόν* и *Λειτουργίαριον*, *ἱεροτελεστικόν* *τὸν* *τῶρος* и *Ἱερατικόν*.

Εὐχολοίημα (*Εὐχολόγιον*) книга *Служебникъ* называлась, какъ часть великаго *Εὐχολογία*, содержащаго въ себѣ чины, послѣдованія и молитвословія, отправляемые православною церковью по потребностямъ христіанъ. Такъ какъ всѣ чины вообще, и чинъ литургіи въ особенности, въ древности состояли главнымъ образомъ изъ *молитвъ* (*Εὐχαί*), то *Служебнику* древности вполне естественно было получить названіе *Εὐχολογία*, т. е. *Молитвослова*. Примѣры такого употребленія слова *Εὐχολογία* въ примѣненіи къ нашему *Служебнику* указаны въ памятни-

Для чтенія мірянъ она не предназначается и, при совершеніи литургіи, вслухъ народа изъ этой книги

какъ древней письменности покойнымъ проф. И. Д. Мансвето-вымъ въ его капитальномъ трудѣ «Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности». М. 1882 г., стр. 10, прим. 1.

Причинъ, почему литургическая книга Служебникъ пріобрѣла такое наименованіе и составъ, было нѣсколько. Во-первыхъ, ритуальная часть нашего современного Служебника, описаніе, такъ называемыхъ, обрядовыхъ дѣйствій чина литургіи въ древнихъ Евхологіяхъ не были еще выработаны, и детальныя подробности ихъ предоставлены были отдаленному будущему, которое наступило въ окончательномъ видѣ не раньше XIV вѣка. На протяженіи всего этого времени отъ начала христіанства, этой сторонѣ чиновъ православной церкви предоставлялась полная свобода въ дѣлѣ регулированія практикою и развитія, и сдерживающаго контроля и строгой цензуры на этотъ счетъ не полагалось. Во-вторыхъ, недостаточность скорописцевъ и дороговизна матеріаловъ для писанія,—пергамента, бересты, папируса—побуждали архипастырей и пастырей древне-христіанской церкви заботиться объ экономіи въ дѣлѣ списыванія рукописей, помѣщая въ послѣднихъ важнѣйшее и существенное и оставляя на произволъ и память совершителей богослуженія *второстепенное и малозначительное*. Въ древнемъ Служебникѣ поэтому и находили себѣ мѣсто главнымъ образомъ молитвы, какъ части его важнѣйшія, и такъ какъ чтеніе ихъ на память всегда строго возбранялось. Мѣсто и время чтенія молитвъ въ томъ или иномъ чинѣ указывалось въ краткомъ надъ ними надписаніи, каковыя, къ счастію изслѣдователей историческихъ судебъ нашихъ чиновъ, сохраняются и доселѣ въ современномъ Служебникѣ, хотя своего прямого значенія и не имѣють уже.

Текстъ молитвъ древнихъ чиновъ литургійныхъ и другихъ (напр., чина брака, хиротоній, малаго и великаго водоосвященій и др.) писался въ древнее время на узкомъ пергаменномъ или бомбицинномъ длинномъ свиткѣ, который, будучи исписанъ сверху до низу, и снизу до верху, при совершеніи богослуженія, по мѣрѣ надобности, развивался внизу и свертывался или

прочитывается только лишь одна *заамвонная молитва*, въ которой какъ бы резюмируются всѣ прошенія и

свивался въ верху, отсюда онъ и получилъ свое наименованіе **Εἰλητάριον** отъ слова **εἰλητός**—скрученный, свернутый. Такъ какъ, при скручиваніи или свертываніи свитка, чтобы онъ не мялся, весьма удобно было имѣть круглую ручку или палочку, съ выточенными кружками, въ видѣ гвоздевыхъ шляпокъ, по концамъ, называемую **κοῦτάχιον**, то вверху и внизу пришивались или приклеивались такія ручки, на которыя и наматывался свитокъ съ прочитанными молитвами. Отъ названія круглой ручки или палочки **κοῦτάχιον** и самые литургійные свитки получили наименованіе *Кондакіоновъ* или *Кондакіевъ* (См. у проф. П. Д. Мансветова въ цитованной книгѣ, стр. 11, прим. указанія на такое наименованіе нашего Служебника въ памятникахъ древности).

Выразительное наименованіе **Τάκτικον** по отношенію къ Служебнику мы находимъ въ пергаменной рукописи XIV в. Москов. Синод. бібліотеки № 279 (**Ἰωάννου τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων τοῦ Καντακουζηνοῦ Τάκτικον σὺν Θεῷ ἀγίῳ**). Такое наименованіе получилъ Служебникъ уже въ то время, когда изъ свитка онъ превратился въ книгу, въ видѣ *тетради*, и заключилъ въ свой составъ не одни чины литургій, которые въ изложеніи названнаго Тактикона не отличаются еще полнотою и обстоятельностью изложенія самыхъ чиновъ (**Τάξις**, а отсюда и **Τάκτικον**), ихъ обрядовой казуистической стороны, но и другіе, уже весьма сложные чины крещенія и миропомазанія, брака царей и прочихъ, елеосвященія, освященія воды наканунѣ Богоявленія и др.

Отъ перваго слова въ свиткѣ **ἡ λειτουργία**—*Служба*, которымъ начинались чины литургій, содержащіеся въ Служебникѣ, книга получила въ XII столѣтіи наименованіе **Λειτουργίαιον** или **Λειτουργικόν**—*Служебникъ* (См. у проф. И. Д. Мансветова документальныя данныя. Тамъ же, стр. 10–11, прим. 1), хотя это слово употреблялось довольно рѣдко въ примѣненіи къ нашему Служебнику (Тамъ же, стр. 11, прим.) и далеко еще не обозначало собою того, что мы разумѣемъ нынѣ подъ этою книгою. Въ древнѣйшихъ Служебникахъ греческихъ

молитвы, читанныя священникомъ тайно въ алтарѣ. Служебникъ существуетъ исключительно для практическаго употреб-

и славянскихъ, кромѣ чиновъ литургій, помѣщались и другіе чины, къ этой книгѣ отношенія не имѣющие, какъ, напр., чины крещеній, брака, водосвященій малаго и великаго (См. въ нашей книгѣ «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока» т. II, *Εὐχολόγια*. Кіевъ. 1901, стр. 42 и далѣе и Описан. славян. ркп. М. Синод. библи. М. 1869, отд. III, ч. 1, стр. 5—88). Служебникъ съ своимъ настоящимъ содержаніемъ сформировался у насъ въ Россіи не раньше второй половины XVII столѣтія, хотя, впрочемъ, и въ это время составъ и распорядокъ, входящихъ въ него статей, отличались еще неустойчивостію вплоть до 1699 года.

Въ богослужебной практикѣ греческой восточной церкви съ XVI столѣтія стали употребляться, особыя книжки съ заглавіемъ: «Αἱ θείαι λαειτουργίαι τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, Βασιλείου τοῦ Μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ Διαλόγου τῶν προηγιασμένων», исчерпывающія все содержаніе ихъ своимъ заглавіемъ. Этой-то книжкѣ иногда и усвоилось на православномъ Востоцѣ наименованіе *Λειτουργίαριον*.

Въ 1868 году, по частному почину нѣкоего *Ιερωνίμου Βοιαντζи*, учителя греческаго языка Димитзаны, издана была книжка подъ заглавіемъ: „*Ἱερωτελεστικὸν τεύχος*“, которая въ первой части содержитъ свѣдѣнія теоретическаго характера, относящіяся къ православному богослуженію, какъ то: объясненіе литургическихъ терминовъ, значенія священныхъ облаченій, изъясненіе литургіи и замѣчанія, сходныя съ замѣчаніями нашего учительнаго извѣстія, а во второй—чины литургій, вечерни, полунощницы и утрени и нѣкоторыя другія статьи, извѣстныя изъ нашего Служебника (См. подробное описаніе этой книги у меня въ книгѣ: „Современное богослуженіе на православномъ ея Востоцѣ“. Кіевъ. 1891, в. 1, стр. 78—81). Книга эта, въ виду практическихъ неоспоримыхъ удобствъ для употребленія при богослуженіи пастырями, получила одобреніе святѣйшаго синода греческой аѳинской церкви.

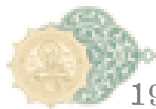
Великая константинопольская Христова церковь, въ тѣхъ же видахъ практическаго удобства для пастырей, при отправленіи ими

ленія лицъ священныхъ—епископовъ (называется у насъ эта книга Чиновникомъ архіерейскаго священнослуженія) и пресвитеровъ. На православномъ Востоку даже діаконы не всегда пользуются при богослуженіи этою книгою, а имѣютъ, такъ называемый, *Διακονικόν*¹⁾,—книгу, содержащую въ себѣ ектеньи и возглашенія, произносимыя за суточнымъ богослуженіемъ діаконами.

важнѣйшаго таинства евхаристіи, издала въ свѣтъ съ особымъ одобреніемъ книгу священника Макарія *Τανταλίδα* подъ заглавіемъ: «*Ἱερατικόν, περιέχον τὰς θείας καὶ ἱερὰς λειτουργίας Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, Βασιλείου τοῦ Μεγάλου καὶ τῶν προηγιασμένων, μετὰ τῆς τυπικῆς αὐτῶν διατάξεως, ἐκδοθὲν εἰς χρῆσιν τῶν ἱερέων, ἐγκρίσει τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, ὑπὸ τῆς τῶ πατριарχικὸν τυπογραφείου, διευθυνούσης ἐπιτροπῆς. Ἐν Κωνσταντ. 1895 ἐτ.*» Въ «*Ἱερατικόν*», кромѣ литургій, содержатся чины великой и малой вечерни, утрени праздничной, обычной и постовой, порядокъ литургіи, когда бываетъ соборное служеніе (*Ἱερατικὸν συλλειτουργγόν*), принятія Уставомъ херувимскія пѣсни, праздничные отпусты, возгласы на Пасху, слово Златоуста на Пасху, чинъ малой панихиды (*Ἀκυλουθία τοῦ νεκρωσίου Τρισαχίου*) и молитвы надъ коливомъ въ честь святыхъ, надъ ваиями въ недѣлю ваий и на благословеніе винограда. Нашъ современный Служебникъ немногимъ разнится отъ настоящаго «*Ἱερατικόν*» по составу. Принимая же во вниманіе то обстоятельство, что въ немъ излагаются особенности чиновъ и при архіерейскомъ богослуженіи, книга эта значительно превосходитъ нашъ современный Служебникъ и до нѣкоторой степени замѣняетъ и другую нашу богослужебную книгу: «Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія».

¹⁾ «*Ἱερατικόν*, по объясненію эпитропіи, наблюдающей за печатаніемъ церковныхъ книгъ въ патріаршей типографіи вообще и данной книги, въ частности, ἐστὶ βιβλίον ἀναγκαῖον οὐ μόνον τοῖς ἱερεῦσιν, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἱεροδιακόνοις μέχρι τῆς ἐκδόσεως καὶ ἰδιαίτερου Ἱεροδιακονικοῦ» (*Ἱερατικόν. Ἐν Κωνσταντ. 1895, τοῖς ἐντετυχημένοις σελ. η'*).

Въ „учительномъ извѣстїи“, напечатанномъ при Служебникѣ для руководства іерею и діакону, о настоящей книгѣ мы находимъ слѣдующее наставленіе: *„Книга Служебникъ всяко есть потребна къ служенію, на память же молитвъ да не глаголетъ: ибо аще іерей служить будетъ памяти, безъ книги, смертно согрѣшитъ: зане многія споны, забвеніе и запности тогда случаются, и не имать познати, что дѣетъ, или глаголетъ, и во усумнѣніе людей введетъ, и явленный порокъ забывся сотворитъ“* ¹⁾. О молитвахъ Служебника, въ частности, въ томъ же „учительномъ извѣстїи“, помимо указанія не читать ихъ на память, безъ книги, говорится такъ: *„молитвы со всякимъ благоговѣніемъ, благочестно, и велимъ вниманіемъ, прилѣжно и всецѣло, ничтоже оставляя, да чтеть (т. е. священникъ), извѣстно вѣдый, яко Богъ отъ устъ его, якоже нѣкія многоцѣнныя бисеры, сія приѣмлетъ“* ²⁾. И въ чинахъ литургїи постоянно замѣчается о молитвахъ, что онѣ читаются священникомъ *тихо, тайно* или *тихимъ гласомъ*, или „въ себѣ“, или „втай“ ³⁾.

Причина такого исключительнаго положенія книги Служебникъ въ ряду другихъ богослужебныхъ книгъ нашей церкви заключается въ ея возвышенномъ, глубоко таинственномъ характерѣ содержанія ея молитвъ, въ высокой священной важности ея сложныхъ обрядовъ и священнодѣйствій, при посредствѣ которыхъ простой смертный священнослужитель, связанный „плотскими похотьми и сластями“, поднимается до высоты необычайной, выше ангельской, и дѣлается величайшимъ чудотворцемъ.—На глазахъ молящагося народа, произнесеніемъ словъ евхаристическаго канона, онъ пресуществляетъ *обычныя вещества—хлѣбъ и*

¹⁾ Служебникъ. М. 1887, л. 247 об.

²⁾ Тамъ же, л. 248.

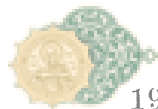
³⁾ Тамъ же, л. л. 61, 99, 101, 115 об. и др.

вино въ истинныя Тѣло и Кровь Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Людямъ, не посвященнымъ въ сокровенныя тайны православной вѣры, лишеннымъ, по слѣпотѣ духовной, способности правильно смотрѣть на предметы возвышенные духовные и здраво судить о нихъ, такое положеніе священнослужителя, во время совершенія литургіи, и указанный нами актъ его чудотворенія кажутся странными и противоестественными, и только очи глубокой вѣры съ умиленіемъ и трепетомъ взираютъ на эту страшную тайну. „Когда ты видишь Господа, пожертаго и лежащаго, священника, углубленнаго въ священнодѣйствіе и молитву всѣхъ просвѣщенныхъ драгоцѣнную Кровію, говоритъ великій учитель церкви св. І. Златоустъ, думаешь-ли, что ты еще съ людьми и на землѣ? Не перенесенъ-ли ты на небо и съ помыслами, возвысившимися надъ всѣмъ плотскимъ, съ душою чистою, съ умомъ свѣтлымъ созерцаешь то, что на небѣ? О, чудо! О, любовь Божія! Тотъ, Кто сѣдитъ горѣ со Отцомъ, въ сей часъ держится руками и даетъ обнимать и принимать Себя всѣмъ желающимъ. *А все сіе*, заключаетъ св. отецъ, *дѣлаютъ очи вѣры*... Чудное это дѣло, достойное всякаго изумленія“! ¹⁾).

Впрочемъ, въ нашемъ современномъ Служебникѣ не всѣ составныя части имѣютъ одинаково—важное и глубоко-таинственное значеніе. Въ чинахъ литургій, совершаемыхъ въ нашей церкви въ настоящее время и преданіемъ усвояемыхъ святымъ вселенскимъ учителямъ Василию Великому и Іоанну Златоусту, которые много потрудились надъ ихъ упорядоченіемъ и приведеніемъ въ нынѣшній составъ, мы должны строго различать части *важнѣйшія*, а поэтому устойчивыя и неизмѣнныя чрезъ всю исторію христіанской церкви отъ начала ея до нашихъ дней, и части менѣе

¹⁾ Albert. Bengelii. Johannis Chrysostomi de sacerdotio. Stutgard. 1725 an., p. 100.

важныя, случайныя, а потому на протяженіи этой исторіи постоянно подвергавшіяся измѣненіямъ, перестановкамъ и сокращеніямъ. Центральная часть литургіи, такъ называемый, *евхаристическій канонъ* составляетъ неизмѣнную часть литургіи, а нынѣшній чинъ проскомидіи, литургія оглашенныхъ или готовящихся къ крещенію и заключеніе чина литургіи нужно относить къ менѣе важнымъ и менѣе устойчивымъ частямъ нашего Служебника, такъ какъ для таинства евхаристіи эти части существенно—важнаго значенія могутъ и не имѣть. Основаніе для такого дѣленія чина литургіи на части существенныя и несущественныя мы находимъ въ цитованномъ уже нами „учительномъ извѣстіи“, въ которомъ въ статьѣ: „о прилучаяхъ недостаточества служащаго священника“ говорится, между прочимъ, и слѣдующее: „Аще іерей начнетъ литургисати, и въ *проскомидіи* будетъ дѣйствѣ, или уже въ *литургіи* до входа великаго позовется, смертныя ради каковыя приключаемыя нужды, аще крестити, или исповѣдати, а не въ дальнемъ разстояніи, да оставитъ на томъ мѣстѣ служеніе, и идетъ борзо тамо, и сотворивъ болѣзненному въ самой смерти надежно спасеніе, и возвратився, докончаетъ божественную службу: въ церкви же велитъ чтеніемъ Апостола или псалмовъ, или каноновъ, или поученіемъ, ко спасенію полезнымъ, пришедшыя люди пользовати въ тое время. Аще ли же *укоснѣетъ тамо*, за случаемъ нужднымъ, и опоздаетъ, а точію по самой *проскомидіи*, да оставитъ литургисати, и воутріе да литургисаетъ вновь все, и по пріятіи, и тое особъ потребить, якоже и выше речеся. По великолѣ же входѣ и по освященіи даровъ, да не оставляетъ совершати *литургіи*, въ волю Божию о болѣзненномъ полагаяся“¹⁾.

---

¹⁾ Служебн. М. 1887, л. 253 об.—254.

Чинъ проскомидіи въ томъ видѣ и составѣ, какъ онъ нынѣ излагается въ Служебникѣ, довольно поздняго происхожденія. Въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся до нашего времени чинѣ литургіи VIII-IX вѣка (Codex Barberinus) чинъ проскомидіи отсутствуетъ, и молитва предложенія (безъ заглавія) ¹⁾, стоящая на первомъ мѣстѣ и напоминающая о нашемъ чинѣ проскомидіи, въ дѣйствительности ничего общаго по своему содержанію съ нынѣ извѣстною проскомидійною молитвою не имѣетъ. Она тождественна по содержанію съ подобною молитвою въ, такъ называемой, литургіи св. евангелиста Марка. Въ другихъ извѣстныхъ намъ спискахъ чиновъ литургіи вплоть почти до XIV вѣка тоже нѣтъ упоминанія о проскомидіи. Чинъ литургіи 1306 года въ рукописи Аюно-Есфигменскаго монастыря ²⁾ представляетъ намъ проскомидію уже на томъ мѣстѣ и приблизительно въ томъ составѣ, въ какомъ она извѣстна и въ настоящее время. Но и, послѣ этого времени, въ XV и XVI вѣкахъ въ ней много было сдѣлано перемѣнъ и дополненій, пока въ XVII столѣтіи, путемъ печатанія богослужебныхъ книгъ, чинъ проскомидіи не получилъ прочную устойчивость и однообразіе.

Въ этотъ длинный періодъ колебаній и неустойчивости въ положеніи разсматриваемаго чина, богослужебная практика православной церкви нисколько не терпѣла замѣшательствъ и неудобствъ въ отправленіи святѣйшаго таинства евхаристіи, потому что приготовленіе св. Агнца, необходимаго для совершенія литургіи, ясно и опредѣленно было указано

¹⁾ Brightman. Liturgies eastern and western. Oxford 1896, p. 309. Молитва проскомидіи въ литургіи св. Василія Великаго надписывается: «Εὐχὴ, ἥν ποιεῖ ὁ ἱερεὺς ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ, ἀποτιθεμένου τοῦ ἄρτου ἐν τῷ δίσκῳ».

²⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп., хранящихся въ библ. на прав. Востокѣ, т. II. *Εὐχολόγια*. Кіевъ. 1901, стр. 262—263.

въ Служебникѣ, послѣ великаго входа, въ „молитвѣ проскомидіи, по поставленіи божественныхъ Даровъ на святѣй трапезѣ“ (Εὐχὴ προσκομιδῆς μετὰ τὴν ἐν τῇ ἀΐχῃ τραπέζῃ τῶν θαύων δώρων ἀπόθεσιν), которая неизмѣнно сохраняетъ свое мѣсто и доселѣ, хотя, по своему содержанію, ей болѣе подходящее мѣсто можно было бы указать нынѣ въ чинѣ проскомидіи. „Прими Боже Вседержителю, взываетъ въ этой молитвѣ священникъ, и насъ грѣшныхъ моленія, и принеси ко святому твоему жертвеннику, и *удовли насъ приносити Тебѣ дары же и жертвы духовныя о нашихъ грѣсныхъ, и о людскихъ невѣдѣніихъ*“ ¹⁾).

Какъ извѣстно, въ чинѣ архіерейской литургіи и доселѣ епископъ совершаетъ проскомидію во время пѣнія херувимской пѣсни. Изнесеніе священнослужителями изъ алтаря во время великаго выхода въ рукахъ блюда, ложки, конія, губы, воздуховъ и, какъ, напр., въ нашей Кіево-Печерской лаврѣ въ дни пасхальной недѣли, плащаницы, замѣнившей собою древній большой воздухъ съ изображеніемъ на немъ положенія во гробъ Христа Спасителя, -- все это ясно свидѣтельствуешь о томъ, что въ древней практикѣ православной церкви къ этому именно моменту приурочивалась проскомидія или приношеніе вѣрующими для евхаристіи хлѣба и вина. Нынѣ существующій у насъ обычай поминать на великомъ выходѣ Государя Императора, Его августѣйшую семью и весь царствующій домъ, Св. Правительствующій Синодъ, мѣстнаго епископа, синклитъ, военачальниковъ, градоначальниковъ, христіанское воинство, благотворителей, всѣхъ христіанъ и проч., а на православномъ Востокѣ обычай поминать при этомъ и *по имени* христіанъ живыхъ и умершихъ -- живой остатокъ и весьма выразительный того же древняго обычая христіанской практики.

¹⁾ Служебн. 1887 г. л. 66.

Начальная часть нынѣшняго чина литургіи, во время которой поются антифоны и читаются священникомъ молитвы антифонныя, до малаго выхода съ евангеліемъ также не составляла необходимой принадлежности древняго чина литургіи и во многихъ древнихъ спискахъ этого чина отсутствуетъ совершенно. Внимательный наблюдатель можетъ видѣть, что епископъ, совершающій литургію, и донынѣ активнаго участія въ совершеніи этой части литургіи не принимаетъ, а отправляютъ ее одни пресвитеры съ діаконами. Причина этого кроется въ обычаѣ древне-христіанской практики и, въ частности, въ практикѣ Великой константинопольской церкви, отъ которой мы получили чинъ нашей архіерейской литургіи, патріарху, а, по его примѣру, и епископамъ появляться въ храмъ не къ началу чина литургіи, а именно передъ малымъ входомъ. Патріархъ до этого времени или находился дома въ патріархіи, гдѣ онъ и облачался въ присвоенныя ему священныя одежды, или же въ великіе праздники совершалъ по городу торжественныя литаніи или процессіи, оканчивая ихъ предъ храмомъ, въ которомъ онъ долженъ былъ совершать литургію ¹⁾. Выходъ священнослужителей изъ алтаря, въ преднесеніи креста, какъ, напр., у насъ въ Кіевѣ, и св. Евангелія къ западнымъ, такъ называемымъ, царскимъ вратамъ, и совершался въ древности съ тою цѣлью, чтобы торжественно встрѣтить вступающаго въ храмъ для богослуженія владыку-архипастыря. Молитва, надписываемая въ Служебникѣ такъ: „молитва входа“, обращеніе въ ней къ Владыкѣ Господу Богу „сотворити со *входомъ нашимъ*, входу святыхъ ангеловъ быти, сослужащихъ намъ и славословящихъ твою благодать“, чтеніе архіереемъ при этомъ стиховъ: „Вниду въ домъ твой, покло-

¹⁾ Ркп. Дрезден. корол. библ. № 104, л. 125, 127 и др; Mign. Patrol. Curs. complet. t. 112, col. 254.

нюю ко храму святому твоему во страсть твою“ и цѣлованіе иконъ Спасителя и Богоматери, висящихъ нынѣ на святыхъ или царскихъ дверяхъ,—все это ясно указываетъ на то значеніе, какое древность христіанская придавала этому малому входу. Въ нашей современной практикѣ, слѣдовательно, входъ священнослужителей совершается двукратно — въ это время и раньше въ началѣ литургіи, предъ совершеніемъ проскомидіи или предъ чтеніемъ часовъ.

Такъ какъ малый входъ, устрояемый низшимъ духовенствомъ торжественно съ изнесеніемъ креста, св. Евангелія и кадила, имѣлъ въ виду встрѣчу нерѣдко не одного патріарха, но и императора, который, по извѣщенію референдарія, вмѣстѣ съ придворными сановниками старался поспѣть въ храмъ къ этому же моменту, то повтому малый входъ нѣсколько замедлялся ожиданіемъ встрѣчи императора съ патріархомъ и осложнялся введеніемъ нѣкоторыхъ торжественныхъ церемоній¹⁾, ясныя слѣды которыхъ мы видимъ и въ современномъ намъ чинѣ архіерейской литургіи. По входѣ въ храмъ, императоръ, принявъ дикирій отъ препозита, шелъ въ алтарь, цѣлуя предварительно святые иконы на царскихъ вратахъ, которыя ему приближали стоящіе близь нихъ митрополиты, и кадилъ престолъ и крестъ за престольный, при чемъ патріархъ, стоя у солеи на лѣвой сторонѣ храма, вмѣстѣ съ своимъ клиромъ пѣлъ привѣтствіе императору: „Господи, спаси *благочестивыя* (τοὺς εὐσεβεῖς—такъ именовались византійскіе императоры) и услыши ны“. Императоръ, окончивъ кажденіе престола и алтаря и передавъ дикирій и кадило патріарху, который теперь вступалъ въ алтарь для подобнаго же кажденія, въ свою очередь, вмѣстѣ съ своею придворною свитою, стоящею на правой сторонѣ, привѣтствовалъ патріарха: „Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε, εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, послѣ чего императоръ удалялся наверхъ въ

¹⁾ Тамъ же, л. 2: Ibid. col. 254.

катикумены, гдѣ онъ слушалъ литургію, а патріархъ приступалъ къ совершенію литургіи.

Такъ называемая „похвала“ и „великая похвала“, которыя произносятся у насъ при архіерейскомъ богослуженіи протодіаконъ, и потомъ повторяютъ пѣвцы, состоятъ изъ возглашеній: „Святѣйшій Правительствующій Синодъ на многа лѣта“ ¹⁾; „Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго Государя на многа лѣта“ и проч. въ цѣльномъ своемъ видѣ явились въ чинѣ архіерейскаго священнослуженія, по указу императора Петра I, въ 1721 году и составляютъ несомнѣнно распространеніе не совсѣмъ понятнаго для русскаго слуха возглашенія: „Господи, спаси *благочестивыя*“ ²⁾.

Чтеніе Апостола и Евангелія, а равно и произнесеніе ектеній и молитвъ объ оглашенныхъ или ищущихъ и же-

¹⁾ Многолѣтствованіе царя и патріарха практиковалось, по чину Великой Христовой Церкви, издавна (А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп., хранящихся въ библ. прав. Востока, т. 1. *Топикъ*. Кіевъ. 1895, стр. 169): «*Μετά ταῦτα γίνεται ἡ εὐφήμη τῶν ἁγίων βασιλέων καὶ τοῦ ὄντος τότε ἀρχιερέως. Τότε λέγει ὁ δομέστικος εἰ ἐν ἀπὸ τῶν τεταγμένων βασιλέων τοῦ ἁμβωνος τὸ Κύριε, σῶσον τοὺς βασιλεῖς, εἴτα ὁ λαοσυνάκτης τὸ Καὶ ἐπάκουσον ἡμῶν*». Многолѣтствованіе патріарховъ съ произнесеніемъ ихъ полнаго оффиціальнаго титула практикуется и доселѣ на православномъ Востокѣ во всѣхъ патріархатахъ, но уже безъ многолѣтствованія царей, синклита, военачальниковъ и т. д.

²⁾ Возгласъ: „Господи, спаси *благочестивыя*“, обусловливаемый у насъ въ практикѣ присутствіемъ, при совершеніи литургіи, діакона, на православномъ Востокѣ, по особому распоряженію вселенскаго патріарха, составляетъ нынѣ принадлежность чина архіерейской литургіи, а на *обычной священнической литургіи не произносится*. И у насъ въ Россіи на югѣ до XVIII вѣка не «печатали и не говорили» этотъ возгласъ на *обычной литургіи* и считали употребленіе его въ сѣверной Россіи отступленіемъ отъ принятыхъ древнихъ обычаевъ (Христ. Чтен. 1882, № 11—12, стр. 676).

лающихъ присоединенія къ церкви православной, о готовящихся къ крещенію („Елицы ко просвѣщенію“) и о вѣрныхъ, хотя и входило все это въ литургію православной церкви и съ самаго древнѣйшаго времени, о чемъ свидѣтельства находимъ въ апологіи Іустина мученика, въ постановленіяхъ апостольскихъ, въ евхологіонѣ Сараціона, епископа Тмуитскаго, и въ другихъ памятникахъ, но никогда не представляло устойчивой составной части и отношенія къ литургіи или къ евхаристіи въ собственномъ смыслѣ слова не имѣло. Эта часть литургіи всегда называлась и до настоящаго времени называется „литургіею оглашенныхъ“. Назначеніемъ этой литургіи опредѣлялся и составъ ея въ древности, а именно: чтенія изъ Апостола и Евангелія, проповѣдь, непосредственно примыкавшая къ указаннымъ чтеніямъ, произнесеніе весьма многочисленныхъ молитвъ надъ различными классами оглашенныхъ и кающихся, возложеніе на нихъ рукъ епископомъ также съ чтеніемъ особыхъ молитвъ и удаленіе ихъ, при посредствѣ діаконѣвъ, изъ храма. Слѣдовательно, чѣмъ больше было на лицо подобнаго рода членѣвъ церкви, тѣмъ длиннѣе и продолжительнѣе становилась эта часть литургіи и, наоборотъ, чѣмъ меньше ихъ было, тѣмъ она была короче.

Къ числу столь же неустойчивыхъ составныхъ частей чина литургіи нужно отнести и заключеніе его послѣ евхаристическаго канона. Не только присутствіе въ храмѣ многочисленныхъ причастниковъ и совершенное ихъ отсутствіе, намѣреніе и готовность предстоятеля предложить народу слово назиданія вліяли на продолжительность этой части литургіи, но тому же въ теченіи длинной исторической судьбы нашего Служебника содѣйствовали въ значительной степени и другія внутреннія причины. Статья „О раздробленіи Св. Агнца“, напр., вмѣстѣ съ церковными пѣснопѣніями: „Воскре-

сеніе Христова видѣвше“, „Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме“, „О, пасха велія и священнѣйшая“ и съ словами: „Отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ кровію твоею честною“, читаемая діакономъ, при вложеніи частицъ съ дискаса во святыи потиръ, послѣ причащенія священнослужителей и мірянъ, въ первый разъ появляется въ Служебникѣ московскаго изданія 1656 года, подъ вліяніемъ хорошо извѣстныхъ въ наукѣ отвѣтовъ къ патріарху Никону Паисія І, патріарха константинопольскаго ¹⁾, а свой болѣе или менѣе упорядоченный видъ принимаетъ лишь только послѣ изданія Служебника 1667 года, одобреннаго на Московскомъ большомъ соборѣ. На возгласъ діакона: „Со страхомъ Божиимъ“ отвѣтъ клира: „Благословенъ грядый во имя Господне“, исключенный, при исправленіи Служебника, въ 1655 году, попалъ снова на свое мѣсто только въ 1658 году и съ тѣхъ поръ уже неизмѣнно сохраняетъ свое настоящее мѣсто. Указать можно нѣкоторыя и другія дополненія и измѣненія, сдѣланныя въ этой части литургіи въ позднѣйшее время, но и отмѣченныхъ считаемъ для нашей настоящей цѣли вполне достаточно.

Въ иныхъ совершенно условіяхъ находилась всегда главнѣйшая часть литургіи, *евхаристическій канонъ*, составляющій таинственнѣйшій и священнѣйшій моментъ безкровной жертвы. На это его значеніе указываютъ и всѣ тѣ торжественнѣйшія возгласенія, которыми предварялось всегда и предваряется доселѣ чтеніе этого канона. „Возлюбимъ другъ друга“, т. е. Будемте лобзать другъ друга, пропозноситъ діакономъ къ вѣрующимъ не только для того, чтобы показать, что между ними существуютъ взаим-

---

¹⁾ Грамота конст. патр. Паисія І къ московск. патріарху Никону. СПб. 1881, стр. 49—52.

ная братская любовь и единомыслие, необходимы для исповѣданія „Отца и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную“, но для того, чтобы опредѣлить нѣтъ ли въ храмѣ лицъ недостойныхъ, не просвѣщенныхъ свѣтомъ Христовой вѣры, а потому не могущихъ присутствовать, при совершеніи этого величайшаго таинства христіанской церкви.—Слѣдующій возгласъ діакона: „Двери, двери“, съ которымъ онъ обращался къ инодіаконамъ, стоявшимъ въ древности у вратъ церковныхъ и наблюдавшимъ за входящими и выходящими изъ храма, напоминаетъ этимъ послѣднимъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣмъ вѣрующимъ, чтобы величайшую тайну они хранили во всей чистотѣ и къ ней не допускали бы никого изъ недостойныхъ, ибо она „премудрость“, и къ ней мы должны быть весьма внимательны: „Премудростію вонемемъ“.—„Станемъ добръ, станемъ со страхомъ“, возглашаетъ снова діаконъ, указывая вѣрующимъ, въ какомъ положеніи тѣла и духа они должны пребывать, чтобы „святое возношеніе въ мирѣ приносить“. Преподавъ затѣмъ апостольское привѣтствіе мира всемъ вѣрующимъ словами: „Благодать Господа Нашега Іисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми вами“, священникъ опредѣленіе указываетъ на то же самое, возглашая: „Горѣ имѣимъ сердца“. Только послѣ этого ряда постепенныхъ, подготовительныхъ возглашеній, священнослужитель, наконецъ, объявляетъ вѣрующимъ, для чего все это необходимо, говоря: „Благодаримъ Господа“. Получивъ полное согласіе со стороны народа въ словахъ: „Достойно и праведно есть“, священнодѣйствующій произноситъ отъ лица уже всей церкви и за всю церковь подробную благодарственную молитву.

Въ молитвѣ этой, которую за ея неизмѣнный составъ принято называть *евхаристическимъ канономъ*, председатель церкви благодаритъ Бога Отца за всѣ благодѣянія,

которыя Онъ оказалъ роду человѣческому отъ самаго созданія человѣка на землѣ: „о всѣхъ, ихже вѣмы и ихже не вѣмы, явленныхъ и неявленныхъ благодаренійхъ бывшихъ на насъ“, за службу сію, „юже отъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ“, хотя Ему предстоятъ тысячи архангеловъ, тьмы ангеловъ, херувимы и серафимы, „Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоотъ“; благодарить особенно за неизреченную милость Божію къ падшему роду человѣческому, выразившуюся въ томъ, что Онъ такъ возлюбилъ его, что Сына Своего едиnorodнаго далъ, „да всякъ вѣруй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный, иже пришедъ, и все еже о насъ смотреніе исполнивъ, въ ночь, въ нюже предаваясь, паче же самъ себя предаше за мірскій животъ, пріемъ хлѣбъ во святія своя и пречистыя и непорочныя руки, благодаривъ и благословивъ, святивъ, преломивъ, даде святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рекъ: „Пріимите ядите“. Подобивъ и чашу по вечера, глаголя: „Пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя“.

Всецѣло погруженный въ воспоминаніе объ этой „спасительной заповѣди“ и о томъ, что претерпѣлъ Сынъ Божій за насъ на землѣ, а именно: „крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одѣсную сѣдѣніе, второе и славное паки пришествіе“ и, намѣреваясь принести скромныя земныя дары Божіи отъ Его же твореній за всѣ оказанныя Имъ и перечисленныя величайшія благодаренія (возгласъ: „Твоя отъ твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся“), священникъ невольно воспоминаетъ о своемъ недостойнствѣ. „И мы, грѣшніи и недостойніи раби твои, сподобльшіися служити святому твоему жертвеннику, молится онъ, не ради правдъ нашихъ, не бо сотворихомъ что благо на земли, но ради милости Твоея и щедротъ Твоихъ, яже издѣялъ еси богато на ны, дерзающе приближаемся святому твоему жертвеннику“. Охватившее все внутреннее существо совершителя таинства евхаристіи глубокое сознаніе своей грѣхов-

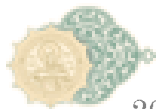
ности, преѣвъ величіемъ и важною даннаго момента литургіи, въ страшную минуту, когда онъ своими грѣшными устами готовится умолять Владыку Бога, Свѣта Святыхъ, о томъ, чтобы Онъ, „благоговеніемъ своей благодати“, послалъ Духа Святаго на насъ и на *предлежащія дары, благословилъ, освятилъ и показалъ*,—невольнo вынуждаетъ его прервать на время чтеніе евхаристической молитвы, погрузиться въ себя самого, проникнуться сознаніемъ своего недостойнства и своей личной безпомощности предъ величіемъ предстоящаго священнодѣйствія и взывать ко Христу Спасителю словами церковнаго тропаря: „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ твоимъ низпославый, Того, Благій, не отними отъ насъ, но обнови насъ молящихся“, съ стихами 50 псалма: „Сердце чисто созижди во мнѣ Боже“ и „Не отвержи мене отъ лица твоего“, объ озареніи свыше Духомъ Святымъ себя и всѣхъ молящихся съ нимъ. Эти вставочныя молитвенныя воззванія, нарушающія естественное логическое теченіе евхаристической молитвы, вполне уместны для успокоенія взволнованнаго важною минутой высоко-настроеннаго религіознаго чувства и горячаго сердечнаго порыва ¹⁾. Подкрѣпившись молитвою

¹⁾ Тропарь: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» съ стихами изъ 50 псалма, читаемыми нынѣ діакономъ, попалъ въ Служебникъ, и именно въ литургійный канонъ, гдѣ мы его видимъ и въ настоящее время, изъ практики церкви греческой въ XV вѣкѣ. Покойный преосв. Порфирій готовъ былъ, по основаніямъ мало убѣдительнымъ, въ виду ихъ несоотвѣтствія съ историческими документальными данными, приписать внесеніе этого тропаря въ чинъ литургій св. І. Златоуста даже знаменитому литургисту XIV вѣка патріарху константинопольскому *Филовею* (Перев. путеш. въ Аѳон. мон. ч. II, отд. 1, стр. 467—468). Правильнѣе думать, что этотъ тропарь внесенъ въ чинъ литургій по случайной ассоціаціи («И просимъ, и молимъ, и, милія дѣмъ, *низпослѣ Духа твоего Святаго на ны и на предлежащія дары сія*») неизвѣстными корректорами въ концѣ XV в.

и получивъ увѣренность въ ниспосланіе ему свыше помощи отъ Духа Святаго, пастырь церкви совершаетъ уже пресуществленіе Даровъ, произнося слѣдующія

(Goar. *Εὐχολόγ.*, pag. 123) и сначала на поля этого текста, а отсюда и въ самый текстъ. Причина этого кроется въ желаніи позднѣйшихъ корректоровъ—указать священнику и діакону, что они должны были читать предъ освященіемъ Св. Даровъ, «молящеся въ себѣ» (*καθ' ἐαυτοῦν ἱσυχῶς*), съ цѣлью найти для себя подкрѣпленіе въ особомъ озареніи Св. Духа. У насъ этотъ тропарь въ еucharистическомъ канонѣ становится извѣстенъ тоже въ XV вѣкѣ (Опис. ркп. М. Синод. библ. отд. Ш, ч. 1, стр. 30; Сн. проф. Мансвотова. Митрополитъ Кипріанъ въ его литург. дѣятельн. М. 1882, стр. 35). «Какъ личная молитва священника, по замѣчанію проф. Мансвотова, оно (т. е. обращеніе къ Св. Духу въ видѣ чтенія тропаря Пятидесятницы) *вполнѣ прилично на этомъ мѣстѣ и не нарушаетъ послѣдовательнаго плана службы*» (Митроп. Кипріанъ въ его литург. дѣятельн., стр. 31). Но въ литургической литературѣ по этому вопросу существуютъ и иныя мнѣнія. «Молитва въ призваніи Святаго Духа, глаголемая отъ священника (*Господи, иже Пресвятаго твоего Духа* съ прочими псаломническими стихами), говоритъ И. И. Дмитревскій, *внесена въ еucharистию отъ друиухъ послѣдовавшихъ учителей для прилежнѣйшаго испрошенія Духа Божія къ освященію Даровъ*, а не отъ самихъ сочинителей службъ помѣщена здѣсь. Поелику дѣлаетъ раздѣленіе смысла въ словахъ молитвы (ссылка при этомъ на книгу «О служеніяхъ и чиноположеніяхъ церкви православної»), что наипаче видимо въ литургіи Василия Великаго, гдѣ читается такъ: «Тебѣ молимся, и Тебе призываемъ: Святе Святыхъ, благоволеніемъ Твоея благодсти, пріити Духу Твоему Святому на ны, и на предлежащія дары сія, и благословити я, и освятити, и *показати* (...) хлѣбъ убо сей, самое честное Тѣло Господа и Бога Спаса нашего Иисуса Христа; чашу же сію, самую честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, изліянную за мірскій животъ, *предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ*» и проч., почему сія молитва и въ древнихъ греческихъ спискахъ не обрѣтается въ литургіяхъ святаго Златоустаго и святаго Василия» (Историч. догматич. и таинств.

таинственные слова: „И сотвори убо хлѣбъ сей—честное Тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей—честную Кровь Христа Твоего, преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“.

изъяснен. на литургію. М. 1803, стр. 161—162). Рядомъ съ этимъ совершенно правильнымъ воззрѣніемъ на тропарь: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» въ евхаристическомъ канонѣ высказывается мнѣніе не только неосновательное, но даже странное. «Въ литургіяхъ прибавлены нѣкоторыя и особенныя молитвы предъ словами: «И сотвори убо», говоритъ Ромбоѣвъ въ своей литургикѣ, дабы священникъ нѣкоторымъ образомъ подкрѣпилъ себя на призываніе Святаго Духа. Молитвы эти слѣдующія: «Боже, очисти мя грѣшнаго», «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа», «Благословенъ еси, Христе Боже». Но молитвы и тропари эти не только позднѣйшія прибавки и нарушаютъ логическій порядокъ мыслей (въ евхаристическомъ канонѣ), но, какъ правильно замѣтилъ Аванасій Парій (Επιτ. τῶν θεῶν διαμαρτ. σελ. 366), и представляютъ несообразность (τὸ ἄτοπον), (побуждая) относить призываніе къ Иисусу Христу, тогда какъ съ самаго начала молитвы оно относилось къ (Богу) Отцу, и потому что говорится, чтобы хлѣбъ и вино преложились въ Тѣло и Кровь Христа. Поэтому указанныя прибавки въ нынѣ издаваемыхъ (разумѣются, конечно, восточныя богослужебныя книги) литургіяхъ были опущены» (Π. Ρομπότης. Λειτουργική, ἐν Ἀθήναις, 1869, σελ. 248, στήμ. 1). Это воззрѣніе на тропарь: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» въ евхаристическомъ канонѣ довольно распространено на православномъ Востокѣ. Но оно заслуживало бы вниманія, если бы среди пастырей нашей церкви, нашлись такіе, которые стали бы утверждать, что упомянутый тропарь Пятидесятницы имѣетъ хоть какое-нибудь отношеніе къ пресуществленію Св. Даровъ, и въ немъ призывается Св. Духъ на освящаемые хлѣбъ и вино, а не совершителя евхаристіи и вообще всѣхъ вѣрующихъ, находящихся въ храмѣ. «Того (т. е. Св. Духа), читаетъ священникъ въ тропарѣ, Благій, не отъ насъ, но обнови насъ молящихся». Мы увѣрены, что такихъ пастырей у насъ нѣтъ, и смыслъ тропаря слишкомъ ясенъ, чтобы можно было думать, что въ данномъ тропарѣ совершитель призываетъ Св. Духа на подлежащіе Дары. Въ видахъ

Окончивъ пресуществленіе св. Даровъ, предъ лицомъ предлежащихъ на престолѣ Тѣла и Крови Христовыхъ, церковь православная съиздавна считала благовременнымъ помянуть „о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Влади-

---

устраненія всякихъ недоразумѣній и неправильныхъ толкованій относительно присутствія въ евхаристическомъ канонѣ тропаря Пятидесятницы и стоящихъ при немъ стиховъ 50 псалма, мы находили бы *благовременнымъ* въ настоящее время, при изданіи нашего Служебника, напечатать данный листъ его такимъ образомъ. Весь евхаристическій канонъ или молитву: «Сый Владыко Господи, Боже Отче вседержителю покланяемый» *печатать принятымъ шрифтомъ* (іосифовскою азбукю) до словъ: «и благословити я, и освятити, и показати» и безъ всякаго знака, въ видѣ точки, на концѣ, а слова дальнѣйшія: «Діаконъ полагаетъ рипиду, юже держаше» и т. д. съ тропаремъ: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» и съ стихами печатать *ититомъ*, какимъ печатается предисловіе. Присутствіе двухъ шрифтовъ на одной и той же страницѣ Служебника самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ покажетъ всякому, что къ канону евхаристическому данный тропарь не имѣетъ никакого отношенія, и дополненіе: «Хлѣбъ убо сей» и т. д., напечатанное іосифовскимъ шрифтомъ, къ своему дополняемому: «освятити и показати» будетъ стоять въ прямой и всѣмъ ясной зависимости.—Остановливаясь на данномъ тропарѣ и указывая его значеніе въ евхаристическомъ канонѣ, мы выражаемъ горячее пожеланіе, чтобы наши пастыри буквально слѣдовали указаніямъ Служебника относительно чтенія вставочныхъ молитвъ, тропаря и стиховъ, т. е. «молящеся *въ себѣ*» (*καθ' ἑαυτόν*), или «глаголюще *тайно*» (*ἑσώχως*) (Служебн. л. 12, 116 об.), а не произносили бы ихъ *громко или вполголоса*, какъ это дѣлается у насъ въ большинствѣ случаевъ. *Молчаливымъ* или *тайнымъ* чтеніемъ тропаря и стиховъ 50 псалма, въ моментъ, требующій особаго соеродоточенія и самоуглубленія, священнодѣйствующие дѣйствительно покажутъ, что мысль о томъ, что этотъ тропарь и стихи имѣютъ какое-либо отношеніе къ предлежащимъ и освящаемымъ Дарамъ, имъ совершенно чужда, и они читаютъ ихъ для собственнаго подкрѣпленія въ страшный моментъ пресуществленія Св. Даровъ.

чицѣ нашей Богородицѣ и Присводѣвъ Маріи“, о святомъ Предтечѣ и Крестителѣ Іоаннѣ, объ апостолахъ и всѣхъ святыхъ, о всѣхъ прежде усопшихъ „о надежди воскресенія жизни вѣчныя“ и о живыхъ, „иже въ чистотѣ и честнѣмъ жителствѣ пребывающихъ“. Молитва за живыхъ исполнена глубокаго умиленія, свидѣтельствуєтъ о безмѣрной любви нашей матери-церкви къ своимъ чадамъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія къ себѣ со стороны этихъ послѣднихъ. „Помяни, Господи, молится въ ней предстоятель церкви, иже дары сія тебѣ принесшихъ, и о нихже и имиже, и за нихже сія принесоша. Помяни, Господи, плодоносящихъ и добротворящихъ во святыхъ твоихъ церквахъ, и поминающихъ убогія: воздаждь имъ богатыми твоими и небесными дарованіи, даруй имъ *вмѣсто земныхъ* небесная, *вмѣсто временныхъ* вѣчная, *вмѣсто тлѣнныхъ* нетлѣнная. Помяни, Господи, иже въ пустыняхъ, и горахъ, и вертепѣхъ, и пропаstechъ земныхъ. Помяни, Господи, иже въ дѣвствѣ и благоговѣніи, и постничествѣ, и въ чистѣмъ жителствѣ пребывающихъ. Помяни, Господи, благовѣрнаго и христілюбиваго Государя нашего, Егже оправдалъ еси царствовати на земли: оружіемъ истины, оружіемъ благоволенія вѣнчай Ег, осяни надъ главою Ег въ день брани, укрѣпи Ег мышцу, возвыси Ег десницу. удержиави Ег царство, покори Ему вся варварскія языки, брани хотяція: *даруй Ему глубокий и неотъемлемый миръ, возглаголи въ сердце Ег благая о церкви Твоей и всѣхъ людей Твоихъ*, да въ тишинѣ Ег тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ... Помяни, Господи, всякое начало и власть, и иже въ палатѣ братію нашу и все воинство: благія во благодости соблюди, лукавыя благи сотвори благодію Твоею. Помяни, Господи, предстоящія люди и ради благословныхъ винъ оставльшихся (т. е., дома), и помилуй ихъ и насъ, по множеству милости Твоея: сокровища ихъ исполни всякаго блага: супружества ихъ въ мирѣ и единомысліи соблюди: младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныя утѣши,

расточенныя собери, прельщенныя обрати и совокупи святѣй Твоей соборнѣй и апостольскѣй церкви: стужаемыя отъ духовъ нечистыхъ свободы, плавающимъ сплавай, путешествующимъ шествуй, вдовицамъ предстани, сирыхъ защити, плѣнныхъ избави, недугующыя исцѣли. На судищи, и въ рудахъ, и въ заточеніяхъ и въ горькихъ работахъ, и всякой скорби, и нуждѣ и обстояніи сущихъ помяни, Боже. И всѣхъ требующихъ великаго Твоего благоутробія, и любящихъ насъ, и ненавидящихъ, и заповѣдавшихъ намъ недостойнымъ молиться о нихъ, и вся люди твоя помяни, Господи Боже нашъ, и на вся излій богатую Твою милость, всѣмъ подавая, яже ко спасенію прошенія. И ихже мы не помянухомъ невѣдѣніемъ, или забвеніемъ, или множествомъ именъ, Самъ помяни, Боже, вѣдый коегождо возрастъ и имѣнованіе, вѣдый коегождо отъ утробы матере его“. Помянувъ послѣ этого Св. Правительствующій Синодъ, мѣстнаго епископа, всѣхъ епископовъ, „право правящихъ слово истины“, свое достоинство, пресвитерство, діаконство и весь священническій чинъ — „и ни единого же насъ посрамиши, о крестъ стоящихъ святаго Твоего жертвенника“ — и, испросивъ богатыя щедроты для всѣхъ отъ Божественныя благодати, священникъ и оканчиваетъ евхаристическій канонъ тѣмъ же, чѣмъ и началъ — апостольскимъ привѣтствіемъ къ народу: „И да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами“.

Изложенный нами евхаристическій канонъ, съ соблюденіемъ по возможности его подлинныхъ словъ, трудно подающихся передачѣ въ обычной прозаической рѣчи, составляетъ не только священнѣйшую и таинственнѣйшую часть главнѣйшаго богослуженія православной церкви, но и запечатлѣнъ авторитетомъ глубочайшей христіанской древности, сближающей насъ съ богослуженіемъ первенствующей апостольской церкви и даже съ первою литургіею, совершенною въ Сіонской горницѣ Самимъ Законоположителемъ хри-

стіанской религіи Іисусомъ Христомъ. Правда, свв. евангелисты, повѣствующіе намъ объ установленіи Христомъ Спасителемъ, въ ночь передъ Его страданіемъ, таинства евхаристіи и о данномъ имъ въ это время завѣщаніи апостоламъ, а черезъ нихъ и всѣмъ ихъ преемникамъ до скончанія вѣка— „творить сіе въ его воспоминаніе“, не сохранили для насъ указаній относительно того, въ какихъ выраженіяхъ Великій архіерей на этой первой литургіи *воздавалъ хвалу* (εὐχαριστίας) Богу Отцу, прежде чѣмъ принялъ въ свои пречистыя руки хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и далъ ученикамъ, сказавъ: „Сіе есть Тѣло Мое, еже за вы даемо (Лук. XXII, 17, 19; см. Матѳ. XXVI, 26 и Марк. XIV, 22). Нѣтъ на это указаній и въ писаніяхъ апостольскихъ. Первое общее указаніе на евхаристическій канонъ и на его основную мысль мы находимъ только лишь у апологета II вѣка св. Іустина мученика. „Въ, такъ называемый, день солнца, т. е. воскресный день, по словамъ этого апологета, „бываетъ собраніе всѣхъ живущихъ по городамъ и селеніямъ въ одно мѣсто... приносятся хлѣбъ, и вино и вода. *Предстоятель*, сколько можетъ (ὁση δύνανται αὐτοῖς), *возсылаетъ молитвы и благодаренія* (εὐχαριστίας)“¹⁾, или въ другомъ мѣстѣ: „возноситъ хвалу и славу Отцу всяческихъ, именемъ Сына и Духа Святаго, особенно же благодаритъ за то, что Онъ удостоилъ даровъ, и продолжаетъ сіе *благодареніе долго* (καὶ εὐχαριστία ἐπὶ πολὺ τελεῖται)“²⁾. И, повидимому, есть несомнѣнные дан-

¹⁾ Apol. 1, 67; Сочин. св. Іустина. М. 1864, стр. 107—108.

²⁾ Ibid. 65; Тамъ же, стр. 106. Въ разговорѣ св. мученика Іустина съ Трифономъ іудеемъ говорится, что хлѣбъ въ евхаристіи Господь заповѣдалъ приносить «въ *воспоминаніе страданія*, подъятаго Имъ за людей, очищающихъ свои души отъ всякаго грѣха, а вмѣстѣ для того, чтобы мы благодарили Бога, какъ за то, что Онъ сотворилъ для человѣка міръ и все, что въ немъ находится, такъ и за то, что освободилъ насъ отъ грѣха, въ которомъ мы были, и совершенно разрушилъ начальства и власти чрезъ Того, Который сдѣлался страждущимъ по волѣ Его“. (Тамъ же стр. 209).

ныя, указывающія на то, что письменнаго и опредѣленно составленнаго канона не имѣлось. Первенствующая церковь хранила его въ неписанномъ преданіи. „Кто изъ святыхъ, спрашиваетъ св. Василій Великій, *оставилъ намъ письменно слова призванія*, коими освящается хлѣбъ въ евхаристіи и чаша благословенія“? И тутъ же на поставленный вопросъ даетъ такой отвѣтъ: „Мы не довольствуемся тѣмъ, что воспоминаетъ Апостоль и Евангеліе, *но и прежде и послѣ произносимъ другія слова, которыя приняли изъ преданія неписаннаго, какъ имѣющія силу для таинства*“¹⁾.

Это „неписанное преданіе“, начало которому было положено несомнѣнно въ Сіонской горницѣ на тайной вечери, въ сохраненіи евхаристическаго канона имѣло, однакоже, столь авторитетное и важное значеніе, что онъ рано въ христіанской церкви получилъ и въ развитіи основной идеи, и даже въ распорядкѣ главныхъ мыслей его, со всѣми предварающими, сопровождающими и заключительными возгласеніями, болѣе или менѣе опредѣленный видъ, и потомъ прочно и въ неизмѣнномъ видѣ держится во всѣхъ христіанскихъ церквахъ съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней. Выше приведенныя свидѣтельства изъ апологіи II вѣка Іустина мученика и памятникъ того же времени, извѣстный подъ именемъ: „Ученіе двѣнадцати апостоловъ“ (Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων), въ которомъ какъ бы изложенъ уже евхаристическій канонъ²⁾, служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Евхаристическій канонъ въ, такъ называемыхъ, „Постановленіяхъ апостольскихъ“³⁾, молитва приношенія (Εὐχὴ προσφόρου) и мо-

¹⁾ De Sancto Spiritu c. 27 (Sancti patris nostri Basilii Magni Caesareae Cappadociae archiepiscopi. Paris. 1618, t. II, pag. 210—211).

²⁾ К. Поповъ. Ученіе 12 апостоловъ. К. 1884, стр. 34—35.

³⁾ Постанов. апостольск. Каз. 1864, стр. 266—278.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1903 г.

15

литва о епископѣ и о церкви (Εὐχὴ ὑπὲρ ἐπισκόπου καὶ τῆς ἐκκλησίας) въ открытомъ нами на Аѳонѣ въ библіотекѣ лавры преподобнаго Аѳанасія евхологіонѣ (Служебникѣ) Сарапіона, епископа тмуитскаго ¹⁾, искренняго друга и товарища поборника церкви православной IV вѣка ²⁾ св. Аѳанасія Великаго, извѣстныя нынѣ въ наукѣ подъ именемъ апостольскихъ литургій, литургіи св. апостола Іакова, брата Господня, св. апостола Петра, св. евангелиста Марка и др. подтверждаютъ то же самое. Наконецъ, канонъ евхаристическій литургіи западныхъ, литургіи абессинской, изданной въ первый разъ Людольфомъ (въ 1691 г.) и признанной за свою краткость самую древнѣйшею изъ существующихъ литургій (напр., Бунзеномъ ³⁾), литургіи армянской и другихъ христіанскихъ народностей, рано весьма обособившихся отъ церкви православной и живущихъ своею самостоятельною независимою жизнію, весьма краснорѣчиво также говорятъ намъ о всеобщности этого канона и его весьма раннемъ образованіи въ церкви христіанской. Канонъ евхаристическій, хранимый въ нашей церкви въ книгѣ Служебникѣ, слѣдовательно, древнѣе по своему происхожденію, чѣмъ то время, когда жили и дѣйствовали въ церкви православной великіе вселенскіе учителя святые Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, съ именами которыхъ преданіе церковное связываетъ упорядоченіе нашихъ современныхъ чиновъ и сокращеніе ими молитвъ въ чинахъ литургійныхъ болѣе ранняго происхожденія, въ виду потребности сдѣлать ихъ „сколь возможно краткими“, дабы „народъ, занятый забо-

1) А. Дмитріевскій. Евхологій IV вѣка Сарапіона, епископа тмуитскаго. Кіевъ. 1894, стр. 14—16, 22.

2) Евхологій этотъ недавно былъ изданъ по той же рукописи нѣмецкимъ ученымъ Вобберминомъ и возбудилъ всеобщій интересъ въ западной литературѣ. (Altchristliche liturgische Stücke aus der Kirche Aegyptens nebst einem dogmatischen Brief des Bischofs Serapion von Thmuis. Leipz. 1899, S. 4—6, 17—18).

3) Bunzen. Hypopolitus und seine Zeit B. II, S. 444—458.

тами вѣка, не скучалъ длинными молитвами“. Признательная церковь христіанская почтила эти труды великихъ іерарховъ, сохранивъ въ надписаніи нынѣ практикуемыхъ чиновъ литургій имена св. Василія Великаго и св. Іоанна Златоуста.

Для соблюденія драгоценной святыни евхаристическаго канона, какъ „имѣющаго силу для таинства“, во всей первобытной чистотѣ и неповрежденности, церковь христіанская прилагала всѣ усилія и старанія, какія были доступны ей. На самыхъ первыхъ лорахъ существованія церкви Христовой на землѣ, когда, какъ это видно изъ посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ (1 Коринѳ. XIV, 16—19) и изъ апологіи Іустина мученика, евхаристическій канонъ читался для назиданія вѣрующихъ громко *вслухъ всего народа*, находящагося за богослуженіемъ, народъ чистоту и неповрежденность его свидѣтельствовалъ громогласнымъ произнесеніемъ одобрительнаго возглашенія: „Аминь“, что значитъ „истинно“ или да будетъ ¹⁾. Но вскорѣ же оказалось невозможнымъ, при указанной богослужебной практикѣ, предохранить эту святыню отъ поруганій со стороны людей злонамѣренныхъ, напр., еретиковъ и легкомысленной профанаціи со стороны даже и самихъ вѣрующихъ. По свидѣтельству св. Иринея, епископа ліонскаго, явились еретики, которые, по примѣру церкви христіанской, составляли свои каноны и ихъ произносили въ своихъ богослужебныхъ собраніяхъ, для обольщенія своихъ послѣдователей и къ соблазну вѣрующихъ, и достигали, по словамъ св. отца, иногда поразительныхъ результатовъ ²⁾.

¹⁾ Аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто невѣжды (*ὁ ἀναπλήρων τὸν τόπον τοῦ ἰδιώτου*), како речеть, Аминь, по твоему благодаренію, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добръ благодариши, но другій не созидается (1 Коринѳ. XIV, 16).

²⁾ Adv. haeres. liber 1, caput IX (J. E. Grabe S. Irenaei, ep. Lugdunensis contra omnes haeres. libr. quinque. Охон. 1702 р. 57).

Разительный примѣръ легкомысленнаго обращенія съ этою святынею со стороны вѣрующихъ передаетъ намъ писатель VI вѣка Іоаннъ Москъ въ своемъ „Лугѣ духовномъ“, указывая въ то же время, какъ долго хранился въ нѣкоторыхъ церквахъ обычай читать евхаристическій канонъ вслухъ всей церкви. Въ мѣстечкѣ Гонагъ (въ Сиріи), „не больше какъ на одну милю отъ него, дѣти пасли скоть, рассказываетъ названный писатель со словъ нѣкоего христолюбиваго Георгія, начальника африканской провинціи. Дѣтямъ вздумалось по привычкѣ поиграть. Начавъ играть, говорятъ они между собою: пойдете, соберемтесь вмѣстѣ, принесемъ *приношеніе*. Это всѣмъ понравилось. Назначили, чтобы одинъ былъ въ должности священника, двое діаконами. Подходятъ къ одному плоскому камню и, шутя, возложили на камень, какъ на жертвенникъ, хлѣбъ, а въ глиняный сосудъ влили вина и стали, одинъ, какъ священникъ, а двое, какъ діаконы, по сторонамъ. *Священникъ читалъ молитву приношенія, а діаконы вѣяли опахалами. Избранный изъ должность священника зналъ слова молитвы. Ибо въ церкви было обыкновеніе, чтобы дѣти въ священныхъ собраніяхъ стояли предъ святилищемъ* и первыя постѣ церковнаго клира пріобщались Святыхъ Таинъ. *Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священники имѣли обыкновеніе читать молитвы вслухъ, то дѣти, весьма близко стоя къ нимъ, слышали слова и заучили. Но когда все по церковному обыкновенію было сдѣлано, то прежде, чѣмъ раздроблять былъ хлѣбъ, спелъ съ неба огонь, пожралъ все предложенное, испепелилъ камень, такъ что не осталось ни камня, ни приношенія, ни даже знака. Видя такое внезапное приключеніе, дѣти отъ страха попадали на землю и были едва живы, не могли ни кричать, ни встать съ земли“* ¹⁾.

¹⁾ І. Москъ. Лугъ духовный. М. 1853, стр. 210—211.

Эти и другія причины, вмѣстѣ взятыя, были весьма основательнымъ побужденіемъ для ревностныхъ пастырей, чтобы сохранить драгоцѣнный евхаристическій канонъ въ чистотѣ и неповрежденности и предотвратить на будущее время его отъ профанации и легкомысленнаго съ нимъ обращенія со стороны даже христіанъ,—установить въ практикѣ церкви христіанской, чтобы изъ литургійныхъ молитвъ вслухъ всего народа читалась только одна молитва послѣдняя, получившая названіе заамвонной, потому, что для чтенія ея священникъ выходилъ на средину храма, гдѣ стоялъ въ древности церковный амвонъ, въ народъ за амвонъ, а всѣ прочія молитвы и, въ частности, благодарственную молитву литургійнаго канона читать *тайно въ алтарь*, заключивъ эти молитвы въ особую книгу для священниковъ „Служебникъ“. Изъ приведеннаго выше разсказа Іоанна Мосха о литургіи, совершенной дѣтьми, видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до VI вѣка соблюдался обычай первенствующей апостольской церкви—читать литургійныя молитвы громко вслухъ народа, но въ большинствѣ церквей уже практиковался новый нынѣшній обычай—читать ихъ тайно въ алтарь, который началъ устанавливаться въ практикѣ христіанской церкви съ IV вѣка. Св. Златоустъ, говоря о священникѣ, какъ совершителѣ литургіи, представляетъ его уже „углубленнымъ въ священнодѣйствіе и молитву всѣхъ просвѣщенныхъ драгоцѣнною Кровію“ ¹⁾. Св. Отецъ вынужденъ былъ даже доказывать, что евхаристическая молитва, читаемая священникомъ тайно, есть молитва общенародная. „Молитвы благодаренія Богу, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ, *суть общія*. Ибо не одинъ священникъ приноситъ благодареніе, но и весь народъ. Ибо, получивъ сперва отвѣтъ отъ народа, и потомъ согласіе, что достойно и праведно совершаемое, начинается священникъ благодаре-

1) А. Bengelii. Johannis Chrysostomi de Sacerdocio p. 100

ніе“ ¹⁾). Два часа времени, которые св. Златоустъ просить удѣлять у своихъ современниковъ ²⁾ христіанъ на литургію, также свидѣтельствуютъ о томъ, что чинъ литургіи въ его время совершался такъ, какъ его совершаетъ доселѣ наша православная церковь.

Святѣйшее таинство евхаристіи, составляющее существеннѣйшій актъ христіанскаго богослуженія и главное содержаніе книги, именуемой у насъ Служебникомъ, подверглось въ недавнее время, какъ извѣстно, беспощадному осмѣянію и кощунственному надругательству со стороны маститаго писателя русской земли графа Л. Н. Толстого въ его извѣстномъ романѣ „Воскресеніе“, въ двухъ главахъ XXXIX и XL первой части заграничнаго изданія. (Мы имѣемъ подъ руками лондонское пятое изданіе „Свободнаго Слова“ А. Tchertkoff, Maldon, Essex, England 1900. Романъ въ трехъ частяхъ. Полная, *неискаженная цензурою versia*). Сами по себѣ эти, возмущающія душу, наглые надругательства надъ драгоценнѣйшею святынею православной церкви, въ которую искренно вѣрують многіе милліоны русскихъ православныхъ людей и весь необлятный христіанскій міръ, и не заслуживали бы вниманія, дабы не оскорблять вашего нравственнаго и религіознаго чувства, тѣмъ болѣе, что названныя кощунственныя главы имѣются лишь въ заграничномъ изданіи названнаго романа, но, къ глубочайшему сожалѣнію, простымъ игнорированіемъ этого прискорбнѣйшаго явленія въ нашей современной художественной литературѣ нельзя удовлетво-

---

¹⁾ Свят. І. Златоустаго толкованіе на второе посланіе апост. Павла къ Коринѣянамъ. М. 1843, стр. 390; in epistol. II, ad Cor., homil. XVIII (Bern. de Montfaucon. *Toû ἐν ἀγίοις πατρός Ιωάννου, ἀρχ. Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου*. Paris. 1732, t. X, pag. 568).

²⁾ In inscript. altaris (Ibid. 1731 an., t. III, p. 53); De util. lect. Scriptur. (Ibid. p. 73) et caet.

риться. Заграничные почитатели талантливаго русскаго писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и злѣйшіе враги церкви православной и заклятые недруги глубоко-религіознаго русскаго народа, не ограничились только изданіемъ романа „Воскресеніе“ въ его „полной, неискаженной цензурою версіи“, какъ они печатають на обложкѣ романа, но въ крайне небрежной брошюрѣ небольшихъ размѣровъ, весьма удобной для пересылки по почтѣ въ обыкновенномъ конвертѣ средняго формата, подъ заглавіемъ: „Богослуженіе“ разсылають эти главы во множествѣ тысячъ экземпляровъ по лицу всей русской земли и распространяють ихъ среди народныхъ массъ. На этомъ поприщѣ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, трудится по преимуществу женевская редакція, такъ называемыхъ, „Народныхъ листковъ“, печатаемыхъ въ существующей тамъ „Украинской типографіи“ (Народн. листокъ 1901 г. № 5, Украинская типографія, 47, Oneh, près Genève, Suisse).

Что же въ этомъ возмутительномъ памфлетѣ на православный чинъ литургіи выдается за богослуженіе нашимъ маститымъ писателемъ и его услужливыми адептами?

При описаніи чина литургіи, совершавшагося въ тюрьмѣ, въ которой была заключена главная героиня романа Катюша Маслова, прежде всего поражаетъ внимательнаго читателя грубая фактическая погрѣшность. На литургіи, по описанію романиста, священникъ читалъ „внятно мѣсто изъ евангелія Марка“ (стр. 137), составляющее 70 зачало, при чемъ съ излишнею обстоятельностью, не вызываемою сущностью дѣла, передается и все содержаніе этого зачала. По справкѣ въ „Сказаніи главамъ евангельскимъ утреннимъ, апостоломъ и евангеліямъ извѣстно седмицамъ всего лѣта“ и въ обычномъ на престольномъ Евангеліи обнаруживается, что въ теченіе цѣлаго церковнаго года *данное зачало* ни одного раза не положено для чтенія на литургіи: зачало 70 указано въ качествѣ 3 воскреснаго утренняго евангелія и

также утренняго евангелія въ праздникъ Вознесенія. Эту ошибку, однакоже, никакъ не слѣдуетъ относить на долю весьма плохого знакомства нашего писателя съ православнымъ богослуженіемъ (что и будетъ показано ниже), но она допущена имъ сознательно и съ преднамѣренною цѣлью, чтобы имѣть лишній поводъ поиздѣваться надъ Евангеліемъ и надъ ученіемъ православной церкви о таинствахъ. Л. Н. Толстой, написавшій свое евангеліе и выбросившій изъ него совершенно главы, относящіяся къ жизни Господа нашего по воскресеніи, остановился въ своемъ романѣ на 70 зачатъ изъ евангелія Марка потому, что здѣсь говорится объ установленіи въ церкви Христовой таинства крещенія, необходимаго для спасенія и полученія царства небеснаго вѣрующими, о вознесеніи Господнемъ на небо, о явленіи Христа Маріи Магдалинѣ, изъ которой онъ изгналъ семь бѣсовъ, и о власти надъ бѣсами, данной Христомъ, при посланничествѣ апостоловъ на проповѣдь, т. е. о томъ, во что нашъ писатель не вѣритъ, и что онъ недавно въ своей „новой исповѣди“, или въ отвѣтѣ своемъ на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февраля 1901 г. объ отлученіи его отъ церкви, публично призналъ „низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію, колдовствомъ“¹⁾.

Литургія въ романѣ Толстого начинается, какъ и принято нынѣ въ нашей практикѣ, *проскомидіею*, во время которой, по описанію Л. Н., „священникъ, одѣвшись въ особенную, странную и очень неудобную парчевую одежду, вырѣзывалъ и раскладывалъ кусочки хлѣба на блюдцѣ и потомъ клалъ ихъ въ чашу съ виномъ, произнося при этомъ различныя имена и молитвы“ (стр. 137). Хорошо знакомый съ чиномъ проскомидіи не можетъ не видѣть, что это описаніе съ дѣйствительностію имѣетъ мало общаго. Правда, на про-

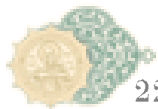
¹⁾ Миссіонерск. Обозрѣн. 1901 г. іюнь, стр. 810.

скомидіи вынимаются изъ просфоръ частицы и полагаются близь Агнца на дискосѣ, при чемъ поминаются и имена живыхъ и умершихъ, но въ чашу эти частицы опускаются не на проскомидіи, а уже въ концѣ литургіи, по приобщеніи св. Таинъ священнослужителей и мірянъ. Къ тому же изытіе частицъ — не существенная часть проскомидіи. Приготовление Агнца и вина съ водою для совершенія литургіи — вотъ главное центральное священнодѣйствіе въ этой части литургіи. Слѣдовательно, въ описаніи чина допущена не только неполнота и поверхностность, но и грубая ошибка, произшедшая отъ незнакомства нашего писателя съ книгою „Служебникъ“.

Ошибка, и опять преднамѣренная, допущена Львомъ Николаевичемъ, и въ описаніи, такъ называемой, литургіи оглашенныхъ. „Дячокъ же между тѣмъ (т. е. во время проскомидіи), говорится въ романѣ, не переставая, сначала читалъ (рѣчь, очевидно, идетъ о часахъ), а потомъ пѣлъ, попеременно съ хоромъ изъ арестантовъ (разумѣются, очевидно, антифоны) разныя славянскія, сами по себѣ мало понятныя, а еще менѣе отъ быстрого чтенія и пѣнія понятныя *молитвы* (Sic). Содержаніе молитвъ заключалось преимущественно въ желаніи благоденствія Государю Императору и его семейству. Объ этомъ произносились молитвы *много разъ*, вмѣстѣ съ другими молитвами и отдѣльно на колѣняхъ“ (стр. 137).

Какія „малопонятныя молитвы“, заключавшія въ себѣ преимущественно пожеланія благоденствія Государю Императору, пѣлись дячкомъ и арестантами въ литургіи, описываемой Львомъ Николаевичемъ, мы опредѣлить затрудняемся. Если здѣсь разумѣются прошенія въ ектеніяхъ мирной и сугубой, весьма несложныхъ и вполне понятныхъ каждому изъ молящихся, то въ нихъ моленіе о Государѣ Императорѣ и о всѣмъ царствующемъ домѣ стоитъ на ряду съ моленіями о мирѣ всего міра, о благостояніи Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ, о храмѣ и съ вѣрою и благоговѣніемъ входящихъ

въ него, о градѣ, въ которомъ живемъ, о благораствореніи воздуха и изобилии плодовъ, о плавающихъ, путешествующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, предстоящихъ и поющихъ и т. д. Достаточно привести вамъ на память выше прочитанную нами, превосходную по содержанію и глубоко трогательную по той нѣжной любви нашей матери—церкви ко всѣмъ членамъ ея, какою проникнута эта пламенная молитва въ литургіи Василия Великаго, чтобы видѣть, каково въ дѣйствительности преимущественное содержаніе всѣхъ молитвъ и прошеній нашихъ чиновъ литургій. Если же моленіе о Государѣ Императорѣ занимаетъ въ ряду другихъ моленій одно изъ первыхъ мѣстъ, то въ этомъ случаѣ православная церковь остается вѣрною послѣдовательницею апостольскаго ученія. „Молю, убѣждаетъ апостолъ Павелъ своего вѣрнаго ученика апостола Тимофея, *прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть*“. (1 Тимоѳ., II, 1—2). Молитвы, читаемой на литургіи за Государя Императора „отдѣльно на колынахъ“, мы не знаемъ. Если рѣчь идетъ о молитвѣ, читаемой послѣ сугубой ектенѣ, то она, сколько намъ извѣстно, всюду произносится *стоя*.

Но все отмѣченное нами, и по мысли нашего писателя, предметы маловажные въ литургіи, интересно повтому при-
смотримъ, въ чемъ же онъ усматриваетъ сущность „главнаго христіанскаго богослуженія“, гдѣ центральный его пунктъ?

„Сущность богослуженія, пишетъ дальше Л. Н. въ названномъ романѣ, состояла въ томъ, что предполагалось, что вырѣзанные священникомъ кусочки и положенные въ вино, при извѣстныхъ *манипуляціяхъ*¹⁾ и молитвахъ, пре-

¹⁾ Въ главѣ XL молитвы и манипуляціи нашъ писатель обзываетъ «безсмысленнымъ многоглаголаніемъ и кощунственнымъ волхвованіемъ священниковъ-учителей надъ хлѣбомъ и виномъ» (стр. 140).

вращаются въ Тѣло и Кровь Бога (Sic). Манипуляціи эти состояли въ томъ, что священникъ равномерно, не смотря на то, что ему мѣшалъ надѣтый на него парчевый мѣшокъ, поднималъ обѣ руки кверху и держалъ ихъ такъ, потомъ опускался на колѣни и цѣловалъ столъ и то, что было на немъ. *Самое же главное дѣйствіе* было то, когда священникъ, взявъ обѣими руками салфетку, равномерно и плаввно махалъ ею надъ блюдцемъ и золотой чашей. *Предполагалось, что въ это самое время изъ хлѣба и вина дѣлается Тѣло и Кровь, и потому это мѣсто* богослуженія было обставлено особенной торжественностью“ (стр. 138),

Нѣтъ надобности имѣть глубокія свѣдѣнія по богослуженію нашей церкви, чтобы, слѣдуя порядку изложенія мыслей въ приведенной тирадѣ, не понять, что здѣсь рѣчь ведется о двухъ различныхъ моментахъ литургіи—о пѣніи херувимской пѣсни и о чтеніи символа вѣры. Въ первомъ случаѣ священнослужитель, хорошо сознавая, что „никтоже достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми и сластями приходить, или приближаться, или служить Царю славы: еже бо служити Тебѣ велико и страшно и самѣмъ небеснымъ силамъ“, усердно умоляетъ Владыку и Господа „призрѣть на него грѣшнаго и непотребнаго раба“, „очистить душу и сердце“ его „отъ совѣсти лукавыя“ и „удовлѣить силою Святаго Духа облеченна благодатію священства предстати святой сей трапезѣ и священнодѣйствовать святое и пречистое Твое Тѣло и честную Кровь“. Въ чувствѣ глубокаго сокрушенія, ища помощи свыше, онъ простираетъ троекратно свои руки горѣ и молится словами херувимской пѣсни, а затѣмъ, поцѣловавъ край св. трапезы и иногда св. крестъ, лажащій на ней, удаляется въ жертвенное отдѣленіе для перенесенія Св. Даровъ съ жертвенника на престолъ или для совершенія великаго выхода. Во второмъ случаѣ описывается весьма опредѣленно уже моментъ чтенія символа вѣры, когда, въ

вспоминаніе труса, бывшаго при гробѣ Господнемъ въ моментъ воскресенія, священнослужитель колеблетъ св. воздухъ надъ Св. Дарами.

Мы увѣрены вполнѣ, что прошедшій хотя бы только и первые три класса гимназіи и аттестовавшійся на урокахъ по богослуженію православной церкви, только какъ удовлетворительный ученикъ, не рѣшится оба указанные нами момента литургіи считать вмѣстѣ съ Львомъ Николаевичемъ „сущностью“ главнаго христіанскаго богослуженія или же „самыми главными дѣйствіями“, а тѣмъ болѣе предполагать, что „въ это самое время изъ хлѣба и вина дѣлается Тѣло и Кровь“ (Христовы). Изъ сказаннаго нами выше относительно евхаристическаго канона ясно видно, какой моментъ литургіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней считала и считаетъ существеннымъ наша православная церковь, и когда и какими дѣйствіями и словами пресуществляются у насъ нынѣ хлѣбъ и вино въ истинныя Тѣло и Кровь Христа Бога нашего.

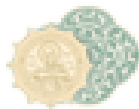
Послѣ этого мы могли бы спокойно и покончить съ описаніемъ литургіи въ романѣ графа Толстого, но, опасаясь обвиненія въ преднамѣренномъ опущеніи чего-либо существеннаго изъ этого описанія, мы даемъ мѣсто и слѣдующему мѣсту, которое относится уже къ заключительной части литургіи. „Послѣ этого (т. е. послѣ своеобразнаго анализа возвышеннѣйшей христіанской церковной пѣсни въ честь Богоматери), послѣ этого, пишетъ Л. Николаевичъ, считалось, что превращеніе совершилось и священникъ, снявъ салфетку съ блюда, *разрѣзалъ серединный кусочекъ* (откуда онъ взялся, когда эти кусочки хлѣба клались въ чашу съ виномъ?) *на-четверо и положилъ его сначала въ вино, а потомъ въ ротъ. Предполагалось, что онъ съѣлъ кусочекъ Тѣла Бога и выпилъ глотокъ Его Крови*“ (стр. 138).

Удивительная путаница фактовъ! Предъ моментомъ причащенія въ дѣйствительности никакого разрѣзыванія *серединнаго кусочка* на-четверо не полагается, а въ это время Св. Агнецъ *раздробляется* на четыре части, и часть отъ него съ надписью: „Иисусъ“, полагается во св. чашу, и этою частью не приобщаются ни священникъ, ни вѣрующіе. Священникъ же приобщается *другою частицею* съ надписью „Христосъ“ и, по установившемся въ практикѣ православной церкви съ апостольскаго времени обычаю, отдѣльно Тѣла Христова и отдѣльно Крови Его.

Итакъ, вотъ это и все, что относится къ главнѣйшему христіанскому богослуженію таинства евхаристіи и къ книгѣ Служебникъ въ романѣ Л. Н. Толстого. Можетъ-ли человѣкъ, знакомый съ богослуженіемъ нашей православной церкви и не предубѣжденный, положи руку на сердце, сказать, что въ этомъ описаніи есть хоть какая-нибудь тѣнь сходства съ торжественнѣйшимъ чиномъ нашей литургіи, который трогательностію своихъ обрядовъ и умиленностію церковныхъ пѣснопѣній производитъ неотразимое и глубокое впечатлѣніе на людей чистыхъ сердцемъ и даже невѣрующихъ? Мы уже не говоримъ здѣсь о томъ печальномъ явленіи, что нашъ маститый писатель, какъ говорятъ, много читающій книгъ на разныхъ языкахъ, рѣшившись подвергнуть возмутительной критикѣ нашъ Служебникъ, ни разу не заглянулъ въ эту книгу, весьма доступную по цѣнѣ и легко приобретаемую въ книжныхъ синодальныхъ и монастырскихъ лавкахъ. Л. Н. Толстой не замѣтилъ въ нашей литургіи даже евхаристическаго канона, обойдя его полнымъ молчаніемъ.

Что же въ такомъ случаѣ плѣнило и плѣняетъ въ этихъ двухъ главахъ романа „Воскресеніе“ заграничныхъ почитателей нашего талантливаго писателя, злѣйшихъ враговъ церкви православной и русскаго вѣрующаго народа?

Помимо общечеловѣческой слабости—тяготѣнія къ „запретному плоду, безъ котораго намъ „и рай не въ рай“,

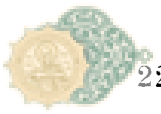
заправили „Украинской типографіи“ и „Народныхъ листковъ“ въ Женевѣ въ этихъ исключенныхъ русскою цензурою главахъ нашли весьма немало самыхъ гнусныхъ циническихъ выходокъ со стороны нашего писателя противъ христіанскаго богослуженія, съ которымъ сами они давно покончили всякіе счеты въ своемъ сердцѣ и которое пытаются вырвать и растоптать предъ лицомъ русскаго народа, прикрываясь авторитетомъ мирового гения. Вотъ какіе перлы русской художественной рѣчи разсыялъ въ изобилии въ этихъ двухъ главахъ нашъ писатель о нашемъ богослуженіи и какія неподражаемые образцы богослужебной терминологіи даются въ нихъ для эстетически воспитаннаго вкуса: иконостасъ у него называется „перегородкою“, катапетасма или завѣса у царскихъ дверей — „занавѣскою“, царскія двери — „средними дверями“, фелонь священническая — „парчевымъ мѣшкомъ“ и одеждою „странною и неудобною“, потиръ или сосудъ для вина — „золоченою чашкою“, дискось — „блюдцемъ“, большой воздухъ или покровъ надъ св. сосудами — „салфеткою“, причастенъ: „Тѣло Христово“ — „веселую пѣсню“, священнодѣйствія совершителей литургіи — „манипуляціями“, какъ будто бы рѣчь идетъ о цирковыхъ фокусникахъ или профессорахъ черной магіи и т. д.¹⁾ И, что особенно приприскорбно и больно для насъ, что всѣ эти, кощунственные и возмущающія душу до глубины, издѣвательства надъ Іисусомъ Христомъ, Богоматерью, св. Апостолами, таинствами и нашимъ богослуженіемъ выходятъ изъ-подъ пера такого пи-

---

¹⁾ Весь легкомысленный юморъ въ романѣ на счетъ богослуженія сводится лишь къ «веселому расположенію духа», которое пріобрѣтъ священникъ, когда, по словамъ нашего писателя, онъ «допилъ всю находящуюся въ чашкѣ. Кровь и съѣлъ всѣ кусочки Тѣла Бога, старательно обсосавъ усы» (стр. 158) и къ «поскрипыванію тонкими подошвами опойковыхъ сапогъ» (стр. 139), при выходѣ изъ алтаря, послѣ пріобщенія Св. Таинъ.

сателя, который всегда рядился въ тогу защитника невинныхъ и оскорбленныхъ, проповѣдуя полную свободу совѣсти и горячо принимая подъ свою защиту даже религіозный бредъ кавказскихъ и американскихъ духовоборвѣ, выдающихъ его за Христово ученіе. Самыя задушевныя христіанскія убѣжденія, основанныя на ученіи Христа, при свѣтѣ Откровенія и церкви православной, и раздѣляемыя милліонами кровныхъ соотечественниковъ и христіанъ на всемъ земномъ шарѣ, въ глазахъ нашего маститаго писателя какъ-будто бы не имѣютъ ровно никакой цѣны, и ихъ онъ позволяетъ себѣ самымъ безжалостнымъ образомъ ломать и топтать въ грязь. Читая эти возмутительныя¹ страницы романа „Воскресеніе“ просто не хочется вѣрить, что онѣ вышли изъ подъ-пера такого писателя, который въ другихъ своихъ художественныхъ произведеніяхъ посвятилъ не мало прекрасныхъ страницъ и нашему богослуженію. Даже страницы романа „Воскресеніе“, въ первой части (глава XV), заключающія въ себѣ описаніе пасхальной заутрени, мы можемъ смѣло рекомендовать всѣмъ, какъ образцовыя въ художественномъ отношеніи. „Всю жизнь потомъ, по словамъ нашего писателя, эта заутрени осталась для Нехлюдова однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и сильныхъ воспоминаній“ (стр. 58). И что достойно удивленія, что въ XV главѣ своего романа Л. Н. Толстой обнаруживаетъ и знакомство съ настоящею литургическою терминологіею: здѣсь у него и „золотой иконостасъ“, и „паникадило“, и клиросы „съ добровольцами пѣвчими, съ ревущими басами и тонкими дискантами мальчиковъ“, и „священники въ свѣтлыхъ серебряныхъ съ золотыми крестами ризахъ, и дьяконъ и дьячки въ праздничныхъ серебряныхъ и золотыхъ стихаряхъ“, и даже „*благословеніе народа* священниками тройными убранными свѣчами, съ все повторяемыми и повторяемыми возгласами: Христось воскресе! Христось воскресе! Все было прекрасно“. (Стр. 58—59).

Предъ нами Л. Н. Толстой въ одномъ и томъ же романѣ является, такимъ образомъ, какъ бы въ видѣ древняго римскаго бога Януса двуликаго. На первыхъ страницахъ своего романа онъ пишетъ о христіанскомъ богослуженіи людей вѣрующихъ и находящихся на свободѣ духовной и физической, а по-этому здѣсь мы видимъ во всемъ величїи его геніальнаго таланта. На этихъ художественныхъ страницахъ все на своемъ мѣстѣ, и каждый предметъ называется своимъ настоящимъ собственнымъ именемъ. При описаніи же богослуженія и, въ частности, чина нашей литургіи въ тюрьмѣ, Л. Н. Толстой имѣетъ дѣло уже съ людьми, лишенными не только свободы физической, но и умственной и моральной, скованными, можно сказать, по рукамъ и ногамъ предвзятыми идеями самаго крайняго либерализма. Поэтому на этихъ страницахъ онъ выступаетъ или въ роли ихъ единомысленника и учителя, или даже въ болѣе некрасивой роли, рыночнаго потѣшника толпы, направо и налево отпускающаго грубые циничные каламбуры, злонамѣренно все переворачивающаго на изнанку и, ради краснаго словца, не щадящаго ничего святого, лишь бы снискать у этой толпы одобрительныя рукоплесканія и сатанинскій смѣхъ.

Мы кончили свое тяжелое, горькое слово. Изъ сказаннаго нами объ евхаристическомъ канонѣ можно теперь видѣть, какую величайшую святыню, какую драгоценную жемчужину хранить отъ лѣтъ древнихъ, отъ временъ апостольскихъ, наша православная церковь въ книгѣ Служебникъ, оберегая ее всячески отъ дерзновенныхъ поплзновеній и покушеній на нее со стороны людей невѣрующихъ и легкомысленныхъ. Провидѣніе непостижимымъ для насъ образомъ содѣйствуетъ св. церкви въ выполненіи указанной цѣли. Разительный примѣръ чудеснаго охраненія этой святыни Провидѣніемъ отъ легкомысленной профанаціи передалъ намъ, какъ мы видѣли, писатель VI вѣка Іоаннъ Мосхъ. Не менѣе поразительный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко поучительный примѣръ, по на-

шему крайнему разумѣнію, передать отдаленному потомству нашъ современный лѣтописецъ, когда поведетъ рѣчь о романѣ „Воскресеніе“ Л. Н. Толстого. Задавшись нарочитою цѣлью кощунственно высмѣять „главнѣйшее христіанское богослуженіе“ и цинически поиздѣваться надъ „сущностью его“, или надъ „главнымъ дѣйствіемъ“ нашего чина литургіи, когда словами евхаристическаго канона хлѣбъ и вино пресуществляются въ истинное Тѣло и въ истинную Кровь Христа Спасителя нашего, нашъ маститый писатель непостижимымъ образомъ, вопреки своему намѣренію, ни единымъ словомъ не коснулся величайшей святыни—евхаристическаго канона, какъ бы даже совершенно просмотрѣлъ его (а слѣдовательно, и не достигъ прямой своей цѣли). Здѣсь еще разъ обнаружилась непреложная истинность словъ апостола Павла: *„Премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть“* (1 Коринѳ. III, 19). Пусть же поэтому всѣ истинныя чада церкви православной проникнутся самыми искренними и глубокими чувствами благоговѣйнаго почтенія и уваженія къ нашей книгѣ „Служебникъ“, какъ хранилищѣ на всемъ уже некроткомъ протяженіи историческаго существованія церкви Христовой на землѣ высокой и драгоцѣнной святыни—тайнственнаго евхаристическаго канона.

А. Дмитріевскій.